

Левый консерватизм марксиста М. А. Лифшица. (Очерки консервативной мысли в СССР)

Аннотация. Статья посвящена обзору философии и эстетики выдающегося советского мыслителя, основателя концепции левого, марксистского консерватизма Михаила Александровича Лифшица (1905–1983).

В статье рассказывается о жизни и творчестве М. А. Лифшица, уделяется внимание его «уважительной дружбе» с философом-имяславцем, православным консерватором А. Ф. Лосевым.

Описываются дискуссии 1930-х годов между Лифшицем с его «течением» (Лукач, Гриб, Усиевич, Платонов) и марксистами-«социологизаторами» и «вульгарными демократами». В ходе этих дискуссий Лифшиц и его единомышленники критиковали полное сведение искусства, философии, морали к экономическим фактам (пресловутому марксистскому «базису»), отстаивали автономию духовного, культурного творчества. Они критиковали «революционное, левое авангардное искусство» и реабилитировали представителей классического искусства прошлого, «Великих консерваторов человечества» — Платона, Аристофана, Гёте, Пушкина, Толстого, само классическое, реалистическое искусство. К последнему Лифшиц относил и «древнерусское искусство», т. е. иконопись.

Показывается консервативный потенциал учения Лифшица о диалектике прогресса и регресса, оправдывающего консервативную критику капитализма у великих художников-реалистов прошлого. Показывается также и критика Лифшицем

релятивистского направления в марксизме, его попытка раскрыть и развить в марксизме линию, связывающую его с классической диалектической философией — от Платона до Гегеля. Отстаивается мысль, что, защищая единство Истины, Красоты и Добра, Лифшиц приблизился к идеям своеобразной нерелигиозной (а возможно — крипторелигиозной) философии всеединства.

Наконец, в статье предлагается взгляд на левый консерватизм Лифшица с позиций консерватизма «обыкновенного» (классического), религиозного. Высказывается идея, что лифшицевскому пониманию эпох классики недостаёт религиозной составляющей, которая всегда присутствовала в этих эпохах.

Ключевые слова: М. А. Лифшиц, левый консерватизм, марксизм, эстетика, классика, реализм

Для цитирования: Вахитов Р. Р. Левый консерватизм марксиста М. А. Лифшица. (Очерки консервативной мысли в СССР) // Ортодоксия. — 2022. — № 4. — С. 101–128. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-101-128

ВСТУПЛЕНИЕ

В нашей статье об Алексее Фёдоровиче Лосеве в этом же номере «Ортодоксии» мы рассмотрели его идеи как представителя ортодоксального традиционалистского, цельного консерватизма. Но в советский период имелись и примеры «частичного консерватизма» (см. другую нашу статью в этом же номере «О консерватизме вообще и о советском консерватизме в частности»), когда свойственные «правым» воззрения в одной области культуры сосуществовали у некоторых мыслителей с левыми, революционаристскими, марксистскими воззрениями. Ярким образцом такого мыслителя был Михаил Александрович Лифшиц (1905–1983).

При жизни он был известен как создатель марксистско-ленинской эстетики. После его смерти, когда его ученики стали публиковать его архив, выяснилось, что эстетическая концепция была лишь «вершиной айсберга». Она венчала собой своеобразную философию, в которой учение Маркса прочитывалось как обоснование абсолютных

ценностей — вечных Истины, Добра и Красоты, что вообще-то считают прерогативой иной, религиозной философии вроде систем всеединства русской мысли. Автору этих строк даже приходилось слышать из уст ныне покойного Петра Васильевича Палиевского, что Лифшиц вышел за пределы марксизма и его концепция носит крипторелигиозный и криптоидеалистический характер. То же самое писала о Лифшице искусствовед Нина Дмитриева, знавшая философа лично: «Его светлые мысли — а их было немало, — строго говоря, не вытекали из боготворимого им учения, совпадая с ним разве что по касательной. Недаром же Лифшица терпеть не могли “деревянные ортодоксы”»¹.

Разумеется, с этим не согласился бы и сам Лифшиц, не согласятся и его ученики. Да и я, строго говоря, думаю, что так сформулированная эта мысль не соответствует истине. С другой стороны, нельзя здесь не привести запись из философского дневника Лифшица, относящуюся к 50–60-м годам: «— Веришь ли ты в Бога? — Я верю в максимум всех вещей. — Но он добрый, твой максимум? — Откуда же люди взяли своё понятие о добре, если это не является слепком с некоторых закономерностей природы и общества, доказательством того, что добро не совсем бесильно среди фактов объективной жизни?..» (Лифшиц 2010: 57). Звучит достаточно странно для «обыкновенного марксиста», как любил называть себя М. А. Лифшиц, не правда ли? Нам ещё предстоит осмыслить онтологическое учение Лифшица и выяснить, где та граница между марксизмом и идеализмом в духе Платона и Гегеля, которую он проводил...

В области политики Лифшиц был, безусловно, демократ, критик дореволюционного самодержавия и диктатуры Сталина. Но демократ, бичующий при этом буржуазный либерализм, видевший в сталинизме тёмную альтернативу некоего светлого «самодержавия пролетариата», так что обычным антисталинистом и противником авторитаризма его тоже не назовёшь...

Более или менее ясны его позиции в области эстетики. Тут он, как общеизвестно, — стойкий консерватор, ниспровергатель левого искусства, модерна и авангарда, защитник «Великих консерваторов человечества» (как он их сам назвал) Аристофана, Бальзака и Пушкина. Но можно ли считать, что консерватизм в эстетике механически сосуществовал с его материализмом и прогрессизмом? Полагаю, это не так, но чтобы

¹ Дмитриева Н. А. В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет. — 2009. — URL: <https://design.wikireading.ru/34> (дата обращения: 28.08.2022).

показать их внутреннюю связь, нужно систематическое изложение философии Лифшица. Я на такое здесь не претендую, моя задача скромнее, но, безусловно, некоторые аспекты этой внутренней цельности лифшицианства я затрону и попытаюсь раскрыть. Как и взглянуть на них с позиций совсем другого — не марксистского — консерватизма...

Но для этого нужно проследить знаковые философско-эстетические дискуссии, в которых Лифшиц активно участвовал с 1920-х по 1970-е². Философ так и не успел написать свой *opus magnum* и выражал свои взгляды в полемической форме. Понятно, что это предполагает знакомство с его биографией.

БИОГРАФИЯ И СОЧИНЕНИЯ

Родился Михаил Александрович Лифшиц 23 июля 1905 года в городе Мелитополь, «степном городке на севере Таврии» (Из автобиографии идей 1988: 265), как сам он выразился в своих воспоминаниях, надиктованных в последние годы жизни на магнитофон. Его рождение было связано с историей, содержащей, можно сказать, чудесное спасение. Это было время «еврейских погромов» на юге Российской империи. Беременная мать Лифшица пожалела нищего русского странника, дала ему попить и поесть. Он из благодарности рассказал ей, что только что видел мужиков, которые сговаривались идти «громить» это «местечко», и посоветовал ей бежать. Она уехала к родственникам и тем самым спасла себя и ребёнка (потому что «погром» действительно случился, и не обошлось без жертв).

В подростковом возрасте с Лифшицем произошла история, которая во многом определила его дальнейшую жизнь и даже философскую борьбу. Его родной город в годы гражданской войны в очередной раз заняли «белые» и вышвырнули «коммунистическую библиотеку», которую незадолго до этого устроили «красные». Лифшиц нашёл в грудке книг брошюру неизвестного ему Вл. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм» (памфлет Ленина, направленный против большевиков-махистов, сторонников философии Маха и Авенариуса). Принёс её домой, раскрыл и прочитал:

² О консерватизме Лифшица см. работы ученика Лифшица, хранителя его архива и публикатора его работ В. Г. Арсланова, а также (Арсланов, Лагурев 2021), (Камнев 2009), (Камнев, Камнева 2019) и др.

«Абсолютная истина существует». Эти слова его поразили до глубины души. Потом всю свою жизнь он будет бороться с разного рода релятивистами (и марксистскими, и либеральными) и доказывать существование абсолютных Истины, Красоты, Справедливости — «абсолютного максимума», «заменявшего» «Бога философов» в его мировоззрении — своеобразной марксистской версии «философии всеединства».

Закончив в родном городе реальное училище, Лифшиц отправился в Москву, где он поступил во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) с намерением стать художником. ВХУТЕМАС был «очагом» левого, авангардного искусства, которое в начале 1920-х претендовало на статус официального искусства революционной России. Молодым художникам кубистам, футуристам, супрематистам там преподавал... священник Павел Флоренский (специально являвшийся на занятия в рясе!), который прославился своими рассуждениями о том, что теория относительности подтвердила правоту дантовской астрономии.

Лифшиц пережил там кратковременное увлечение авангардом, чтоб затем всю жизнь отстаивать ценности классического искусства (в живописи он выше всего ставил художников Ренессанса и «голландцев»). В 1924 году он увлекается философией, штудировал классиков немецкого идеализма, Маркса и Энгельса. Чтоб лучше понять Гегеля и Маркса, он выучил немецкий язык. Так Лифшиц становится самым крупным специалистом по гегелевской диалектике и эстетике среди советских марксистов того времени. В конце 1920-х годов Лифшиц разрабатывает концепцию марксистской эстетики, опираясь на работы Маркса и критикуя вульгарных марксистов-экономикоцентристов. Основные её идеи он выразил в докладе «Диалектика в истории искусства» (1927).

За неё в 1929 году Лифшиц был обвинён в реакционности и лишился возможности преподавать. В 1930 году по приглашению Д. Б. Рязанова (старого эсдека, изучавшего философию в Германии) он перешёл в Институт Маркса и Энгельса, где занимался изучением и публикацией ранних философских работ Маркса и где познакомился и сдружился с Георгом Лукачем — видным западным марксистом, приехавшим в СССР. Одновременно Лифшиц издаёт хрестоматии «Карл Маркс об искусстве» (1933), «Ленин об искусстве» (1938), заложившие основы марксистско-ленинской советской эстетики и выдвинувшие его в ряд крупнейших специалистов по Марксу (хрестоматии были переведены на европейские языки). В 1933 году он выпускает свою первую значительную

книгу «К вопросу о взглядах Маркса на культуру», в 1935-м — «Вопросы искусства и философии». Одновременно Лифшиц готовил к изданию европейских классиков эстетики — Вико, Шиллера и, конечно, его любимого Гегеля.

В 1932–1935 годах Лифшиц читал лекции по философии в Институте Красной профессуры, в 1940–1941-м — в Московском институте философии и литературы (знаменитом ИФЛИ, прозванном «Красным Лицеом»). Его курс по марксистской эстетике собирал слушателей со всей Москвы. В частности, их с восторгом слушали молодой Александр Твардовский (который позже станет его другом) и Григорий Померанц (будущий диссидент и философ, руководитель подпольного религиозно-философского семинара в «застойной» Москве)³.

В 1930-е годы Лифшиц и его сторонники (Лукач, Усиевич, Гриб, Сац, Андрей Платонов) создали «течение» — неформальную философско-эстетическую школу, рупором которой стал журнал «Литературный критик». «Течение» пропагандирует эстетические идеи Гегеля, Маркса и Ленина, ведёт споры. Оно сыграло значительную роль в разгроме литературоведов-социологизаторов, реабилитации русской и мировой классики в ходе национального поворота Сталина и утверждении социалистического реализма и тезиса о народности искусства. Вместе с тем темы, которые затрагивал журнал, власти не всегда воспринимали благосклонно. Лифшиц и его друзья много обсуждали на страницах этого издания феномен термидора, перерождения революции в контрреволюцию. Конечно, они говорили о термидоре во Франции XIX века, но многие читатели понимали, что это завуалированная форма размышлений о сталинизме. Бывший за границей Троцкий давно объявил сталинский режим термидором Октябрьской революции, и это его мнение было известно в СССР (где осталось немало троцкистов и подпольно распространялся заграничный «Бюллетень оппозиции»). Не будучи троцкистом, Лифшиц тоже считал сталинизм термидорианством, и по тем временам это даром пройти не могло. Группа Лифшица ещё легко отделалась — в 1940 году журнал был всего лишь закрыт, но никого не репрессировали. Лифшиц перешёл на работу в «Литературную газету». Но и на её страницах он продолжил дискуссии со своими идеологическими противниками.

³ Померанц, правда, позднее станет полемическим противником Лифшица и неоднозначно отзовётся о нём в воспоминаниях (Г. Померанц (2013)). Но там же он признаётся, что в 30-е, будучи студентом, был близок к лукачевски-лифшецевской группе и защищал её позиции в публичных дискуссиях в институте.

В конце 1930-х Лифшиц становится ещё и замдиректора по научной работе Третьяковской галереи. Когда он туда пришёл, экспозиции представляли собой странное зрелище. Его предшественники, марксисты 1920-х годов, требовали писать в путеводителях слова о выражении художниками интересов «капитализирующихся помещиков, торговавших хлебом». Картины многих великих русских реалистов пылились в запасниках, зато обильно были представлены всякие кубисты и футуристы. На экспозиции рядом с картинами демонстрировали предметы быта и орудия труда, чтоб проиллюстрировать «жизнь класса».

Лифшиц велел убрать авангард, написать нормальные путеводители, устроить персональные выставки Сурикова и Левитана с теоретическими докладами о народности их искусства (выставка Левитана чуть не сорвалась из-за злобного доноса, по поводу которого устроителей вызывали в горком партии). Более того, в 1938 году Лифшиц прочёл перед сотрудниками галереи теоретический доклад «О реализме древнерусского искусства». В нём он перед потрясёнными коллегами, ещё помнившими «безбожную пятилетку», доказывал, что древнерусская икона — тоже одна из вершин классической реалистической живописи (расширенно трактуя термин «реализм»). Философ-атеист и материалист говорил о «безусловной правде религиозного искусства древней Руси». И говорил умно, доказательно, со ссылками на Гегеля, Маркса и Ленина. Некоторые искусствоведы потом признавались, что они пережили мировоззренческую революцию... А сколько зрителей пережили потом такую же революцию, открыв для себя мир русской иконы, а также живопись Сурикова и Левитана в залах Третьяковки!

Надо ли добавлять, что это было в 1938 году — в разгар Большого террора! — проявлением высокого мужества! Причём вскоре коллеги Лифшица убедились, что ему свойственно не просто мужество, а бесстрашие. В 1938 году готовился суд над Валентиной Ивановной Антоновой — сотрудницей отдела древнерусского искусства галереи. Посадили её по бредовому доносу о том, что она — интеллигент, всю жизнь изучавшая новгородскую иконопись... готовила покушение на Сталина. В тюрьме её пытали, многих её знакомых вынудили дать против неё показания... Никто не сомневался в приговоре. И вдруг Михаил Александрович вызвался прийти на суд в качестве свидетеля защиты и в своей речи разбил обвинения. Хотя, конечно, это не стало главной

причиной её освобождения, незадолго до этого арестовали Ежова, и власть устроила небольшую амнистию, но всё же...

Нельзя не упомянуть и о том, что на 1930-е годы приходится знакомство М. А. Лифшица с А. Ф. Лосевым. В 1936 году Лифшицу поручили прочитать рукопись опального профессора Лосева (тот к тому времени отбыл наказание в ГУЛАГе за антикоммунистические вставки в своей книге «Диалектика мифа»). Прочитав, Лифшиц заинтересовался автором. Они познакомились, и это стало началом многолетней, уважительной дружбы. Лосев не скрывал своего идеализма, но это не помешало Лифшицу рекомендовать рукопись Лосева к напечатанию в издательстве «Academia» (но начальство воспрепятствовало публикации идеалиста). «Храбрый М.А. Лифшиц» (как назвала его А. А. Тахо-Годи в биографии Лосева) предлагал напечатать отрывки в «Литературном критике», органе их с Лукачем «течения», но тут отказался сам Лосев. Он не захотел снова оказаться в гуще идеологической битвы. В конце 1920-х, когда он с лучшими намерениями попытался вмешаться в дискуссию марксистов «диалектиков» и «механистов», это кончилось для него Беломорстроем...

Лосев потом вспоминал, что именно в 30-е годы внимательно проштудировал труды Маркса, Энгельса и Ленина и овладел марксистским методом, который стал потом применять к античной культуре, разумеется, «с некоторыми оговорками». А в конце жизни в фильме Косаковского Лосев провозглашает, что кроме вульгарного, экономикоцентричного есть и «тонкий марксизм», которому он сочувствует. Можно предположить, что здесь сказалось влияние долгих бесед с М. А. Лифшицем, которые Лосев вёл в 1930-е годы в редакции «Academia», и что сочувствовал старый идеалист и православный «философ имени» именно «лифшицианскому марксизму».

С началом войны (которую, по словам дочери философа, Лифшиц предсказал за полгода) философ — в действующей армии. Его направили служить на Днепр, в Пинскую флотилию. Осенью 1941 года он участвовал в обороне Киева. Его часть была разбита, они попали в окружение, из которого выбирались маленькими группами. Два месяца Лифшиц с несколькими красноармейцами шёл к «своим» по оккупированной территории. В стычке с немцами он был ранен в левое плечо. В октябре под деревней Серовка Рыльского района Курской области его вместе с красноармейцем Вырвальским задержал немецкий конный патруль. Немцы опознали в Лифшице еврея (у него была яркая семитская внешность), велели

им вырыть яму и залезть в неё. Вероятно, их собирались расстрелять. Но что-то отвлекло врагов, немцы отъехали немного вбок, и Лифшиц с товарищем сумели убежать в лес.

Добравшись до «своих», Лифшиц прошёл «фильтрационную комиссию», две недели лежал в госпитале. Потом, после отпуска, был направлен в Ульяновск, в отдел печати Наркомата ВМФ. В 1944 году его отправили уже в Ленинград — преподавать военным морякам. Лифшиц прочёл там блестящий курс лекций о русской культуре, который был опубликован только после его смерти и стал событием в современной российской философии.

Лифшиц был уволен в запас в 1946 году в звании капитана. Его наградили орденом Красной Звезды, который он так никогда не надел, так же как ни разу не надел после победы капитанский мундир. Философ не любил вспоминать о войне, и все подробности его военной биографии были выяснены его биографами по архивам (Ботвин 2010).

В 1944 году Лифшиц представил в Институт философии АН СССР диссертацию об эстетических взглядах Маркса, и ВАК разрешил защитить её как докторскую. Но в силу интриг его старых оппонентов по спорам 1930-х (прежде всего — писателя Александра Фадеева⁴) защита затянулась на 4 года, и диссертация была защищена как кандидатская по филологии в 1948 году. Однако в 1949 году диссертация «потерялась» в ВАКе (постарались недоброжелатели!), и диплома кандидата философ так и не получил.

С 1946 года Лифшиц преподавал философию сначала в Школе-студии МХАТ, а затем в МГИМО. Однако в 1949 году в рамках кампании по борьбе с «космополитизмом» Лифшиц был уволен из МГИМО «за идеализм и гегельянщину». В Третьяковке ему сохранили только «работу с аспирантами», за которую почти ничего не платили. Ему разрешили жить в служебном помещении галереи (бывшей кладовой), поскольку квартиры в Москве по возвращении с войны ему не дали. Отовсюду уволенный, лишившийся средств к существованию, он вернулся к профессии художника, которую получил в ВХУТЕМАС, и расписывал вазы. Лифшиц не без оснований опасался ареста (Фадеев требовал его «крови»), но «чаша сия» его миновала.

Положение меняется после XX съезда КПСС (1956 год). С середины 1950-х Лифшиц работает в институте истории АН СССР, затем в НИИ

⁴ Фадеев застрелится у себя на даче после доклада Хрущёва о культе личности Сталина.

естествознания в секторе эстетики. Стараниями друзей он наконец-то получил жильё. Он активно печатается в журналах, прежде всего — в «Новом мире», где главным редактором был его старший друг Твардовский. Лифшиц стал очень известным благодаря памфлетам, направленным против модернистов, либералов-западников и диссидентов («Либерализм и демократия», «Почему я не модернист?»). Конечно, это принесло ему много новых врагов. Раньше его обвиняли в немарксизме, теперь стали клясть за марксизм (в особенности в диссидентской среде). Лифшиц смеялся, что молодые либералы того времени поместили уже его «на крайне правый фланг» (Лифшиц 2010: 27). Впрочем, Лифшицу было не впервой, его оппоненты 1930-х годов называли его и реакционером, и даже термидорианцем и сторонником реставрации!

В действительности Лифшиц продолжал отстаивать свои марксистские идеи 1930-х годов, ни на йоту не изменив себе. Изменилась эпоха. Значительная часть советской интеллигенции в марксизме разочаровалась и в сложностях позиции Лифшица разбираться не хотела. Нападками на Лифшица отличился Солженицын, «Иван Денисович» которого был напечатан в «Новом мире» преимущественно благодаря положительному отзыву Лифшица, и Александр Исаевич должен был это знать. Солженицын назвал своего критика-благодетеля «марксистским ископаемым». На это Лифшиц со свойственной ему иронией ответил: «Бывают и полезные ископаемые». Будучи атеистом, Лифшиц имел христианское свойство не реагировать на личные обиды...

Он много публикуется как философ-эстетик, в том числе за рубежом (Лифшиц знал много языков и внимательно следил за западной философией). Совместно с женой — Лидией Рейнгольдт — он издаёт книги «Искусство и современный мир», «Кризис безобразия», самостоятельно — книгу «Мифология древняя и современная». В 1972 году Институт философии присудил ему за его работы по эстетике степень доктора наук. В 1975-м его избрали действительным членом Академии художеств. Можно сказать, научная карьера удалась, хотя сам он жестоко страдал от непонимания и духовного одиночества. Тяготили его и предчувствия «кризиса социализма» (он предсказал перестройку и крушение СССР в своих дневниках).

Умер Михаил Александрович Лифшиц 20 сентября 1983 года в Москве от сердечного приступа. Перед смертью он сел за систематичное

сочинение по философии, которое хотел назвать «Эстетика», но не успел даже толком его начать.

Уже посмертно вышли трёхтомник его работ, а также книга статей «В мире эстетики». Затем, уже в постсоветские годы, ученики выпустили работы «Что такое классика?», «Почему я не модернист?», «Надоело. В защиту обыкновенного марксизма», «Очерки русской культуры», «Диалог с Эвальдом Ильенковым», «Проблема Достоевского (Разговор с чёртом)», «Либерализм и демократия», «О Гегеле», «Лекции по теории искусства. ИФЛИ».

Лифшиц имел яркое литературное дарование, он писал ясно, броско, выказывая богатую эрудицию и недюжинное чувство юмора. На фоне серых и блеклых псевдонаучных сочинений советских философов Лифшиц явно выделялся и привлекал внимание. Лифшиц возродил жанр философской публицистики в СССР.

До сих пор существует школа Лифшица, которая занимается публикацией и републикацией его трудов и развитием его взглядов. Её лидер — философ В. Г. Арсланов. Надо бы осмыслить взгляды Лифшица и представителям консерватизма и религиозной философии, каковым является и автор этих строк. В конце концов, лифшецианский «умный марксизм» — наш союзник в борьбе с левой либерально-буржуазной гнилью и с псевдоконсервативной антигуманистической ультраправой. Эта моя статья — одна из первых попыток такого рода.

БОРЬБА ЛИФШИЦА ПРОТИВ СОЦИОЛОГИЗАТОРОВ

Путь Лифшица в философии начался с отстаивания классического идеала в ту эпоху, когда он был в нашем Отечестве не очень популярен. Произошла революция, перевернувшая всю жизнь российского общества. В воздухе витали нигилистические, анархистские настроения, которыми особенно была увлечена молодёжь. Да и представители академической науки не отставали. В 1920-е и в начале 1930-х годов в советском литературоведении прочно господствовали социологизаторы-марксисты. В литературе они видели исключительно форму идеологии, выражающей классовое сознание, надстройку над базисом, «лишенную собственной истории». Слова о красоте, об отражении искусством действительности, о народности искусства воспринимались как старорежимная буржуазная

пропаганда, удел эмигрантов-белогвардейцев, не могущие звучать на страницах советских изданий. Высокая оценка творчества Пушкина, Толстого, Гоголя, даваемая Лифшицем, сразу же вызвала обвинения его в немарксизме, в реакционности, в протаскивании правых и реставраторских идей.

Дело в том, что все старые мастера — от Аристофана и Данте до Гете и Пушкина — вовсе не были выходцами из народа и не принадлежали к угнетённым классам. Напротив, большинство из них принадлежали к верхам общества, многие были аристократами и даже, как, например, в случае Пушкина или Толстого, были владельцами крепостных. Значит, как заключали социологизаторы от эстетики Фриче и Переверзев и развивавшие их мысли критики В. Ермилов и Е. Книпович, в творчестве классиков в зашифрованном виде выражены классовые интересы помещиков и буржуазии. Даже когда Пушкин или Фет пишут о русской природе, они якобы тайно высказывают интересы крепостников... Получается, новому пролетарскому обществу не нужны классики (можно разве что поучиться у них формальным умениям — не более). Пушкина нужно сбросить с краснознаменного парохода современности! Социализм породит свою классовую пролетарскую культуру, которая будет выше Пушкина!

Защищать же Пушкина и Аристофана — значит защищать рабовладельцев и крепостников, пытаться протащить их идеи и настроения в общество социализма, предать дело социализма и коммунизма...

Лифшиц с его «течением», напротив, доказывали, что социологизаторы превращают марксизм в грубую и глупую пародию на подлинные взгляды Маркса, Энгельса и Ленина. Лифшиц на обвинения его в отходе от марксизма поставил перед своими оппонентами резонный вопрос: почему же Маркс, Энгельс и Ленин вовсе не были поклонниками «революционного», «левого», модернистского, авангардистского искусства? Совсем наоборот, они высоко ставили и почитали классику. Маркс любил Аристофана и Шекспира, Ленин — Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Л. Н. Толстого. Лифшиц даже собрал их высказывания об искусстве и культуре в два сборника — «Маркс и Энгельс об искусстве и культуре» и «Ленин об искусстве и культуре». Как уже говорилось, они очень быстро стали популярными, их перевели на несколько иностранных языков. Из сборников ясно следовало — основоположники марксизма были твёрдыми сторонниками классического, реалистического искусства. Лифшиц утверждает: правота реалистического искусства проистекает из самого

ядра философии марксизма. Для аргументов в свою пользу Лифшиц обращается к творчеству Ленина.

В 1908–1909 годах в среде большевиков разразился философский спор между Лениным и А. Богдановым. Богданов был теоретиком эмпириомонизма — учения, совмещавшего идеи австрийского физика-идеалиста Эрнста Маха и Маркса. Эмпириомонист Богданов доказывал, что открывающийся нам мир — это не объективная реальность, а порождение классового сознания. Абсолютной истины (равно как абсолютной красоты) якобы не существует. Наука и искусство носят классовый характер. Собственно, Богданов и заложил основу вульгарно-марксистского взгляда на искусство, который развивали в 20–30-е годы социологизаторы-оппоненты Лифшица. Показательно, что после революции и сам Богданов отстаивал те же воззрения и положил их в программу Пролеткульта — созданной им организации, объявившей, что она генерирует новое, пролетарское искусство.

Ленин выступил против идей Богданова (равно как и в 1920-е годы он выступит против программы Пролеткульта). В книге «Материализм и эмпириокритицизм» (которая, напомним, поразила Лифшица ещё в отрочестве) Ленин обвинил Богданова, что тот переходит на позиции субъективного идеализма. Марксизм — материалистическая философия, замечает Ленин, и с её точки зрения объективная реальность существует, и наука верно отражает её в своих теориях.

Целью науки (и философии) является, по Ленину, Истина о мире. Не маленькие, изменчивые, относительные истины, о которых писал Богданов, а высшая, абсолютная Истина. Естественно, никто из нас этой Истиной не владеет, наши взгляды — лишь набор мнений, но не все мнения равноценны (так считают только релятивисты, а релятивизм Лифшиц называл «диалектикой для дураков»). Одни мнения ближе к Истине, другие — дальше от них. Через преодоление заблуждений, через выявление в них рациональных зёрен идёт путь к высшей Истине.

Но искусство тоже — не набор субъективных ощущений и высказываний его творцов. Искусство, как и наука, отображает окружающий нас мир, отмечает Лифшиц. Оно несёт истину о мире, только отражает оно его не в форме абстракций, а в форме художественных образов. В искусстве тоже есть прогресс, только он не такой прямой и однозначный, как в науке. Позже мы подробнее раскроем тезис Лифшица (и Лукача) о реализме как о базисе всякого настоящего искусства, а не только

как об одном из течений в нём. Пока же констатируем, что Лифшиц, развивая эту точку зрения, приходит к логичному выводу, что целью искусства является Абсолютная Красота, как целью науки — Абсолютная Истина, и в сущности это — одно и то же. По-своему, с позиций марксизма и отталкиваясь от эстетики Чернышевского, Лифшиц пришёл к утверждению, которое провозглашала и классическая идеалистическая философия — от Гегеля до В. С. Соловьёва.

Отсюда, кстати, вытекала и своеобразная трактовка Лифшицем классовой теории. Его оппоненты видели в ней лишь борьбу узких классовых эгоизмов. У рабочих есть свои интересы, у буржуа — свои. Каждый класс выражает эти интересы через идеологию (пронизывающую и искусство), и, по сути, каждый класс по-своему прав. Только такой вывод и может следовать из релятивистского прочтения марксизма. Но какой тогда смысл в классовой борьбе? Если социализм — это просто перевёрнутое капиталистическое общество, и суть его в том, чтоб пролетариат превратился из угнетаемого класса в класс-угнетатель, то стоило ли вообще подниматься на такую борьбу? Ведь самый корень социального зла — угнетение как таковое — в этом случае уничтожен всё равно не будет.

Нет, возражает Лифшиц, марксизм как классическая философия, продолжающая не только линию материализма XVIII века, но и по-своему линию Платона и Гегеля, видит в истории не бессмысленное переворачивание классовых схем, а путь к обществу, где не будет эксплуатации вообще, где люди превратятся из врагов в сотрудников и братьев. Так же как наука — путь к Истине, а искусство — путь к Красоте, история — путь к торжествующей социальной справедливости, взаимопомощи, к Добру.

Смысл истории у Лифшица в том, чтобы народ — угнетённые, низшие классы эксплуататорских формаций — освободился от своих эксплуататоров и наконец построил общество, где были бы максимально воплощены идеалы Добра, Красоты, Справедливости — социализм и коммунизм. «Классовая борьба может быть верно понята в своём истинном значении лишь в перспективе конечного исхода исторического дела рабочего класса — ...уничтожения классов, строительства социализма в союзе с основной массой народа» (Лифшиц 2012: 425). Об этом все чаяния народа с древнейших времён (только до появления народа эти чаяния выражались в утопических учениях, а не в научной теории). И лучшие художники, влюблённые в добро, красоту и справедливость, независимо от их классового и социального положения, по-своему выражают эти чаяния

(при том, конечно, нужно различать подлинные чаяния народа и его эмпирические актуальные желания, которые могут быть и раболепскими, и подлыми). Поэтому настоящее, высокое, классическое искусство всегда народно и гуманистично. Народны стихи Пушкина, пьесы Шекспира, романы Бальзака.

Понятие «классика», как читатель уже убедился, играет важную роль в философии Лифшица — и в его эстетике, и в учении о культуре и истории. Классика, по Лифшицу, — явление бесконечного абсолютного начала, Истины в формах культуры, рождённых в определённые исторические, наиболее пригодные для этого периоды. Лифшиц называет их классическими эпохами и выделяет несколько из них: «классическая античность» — эпоха Сократа, Аристофана, Платона и Аристотеля, европейское Возрождение, «золотой век» русской культуры, эпоха Пушкина и Лермонтова.

Классические эпохи делают возможными «исторические щели». Дело в том, что классика, по Лифшицу, всегда рождается между эпохами обострения эксплуатации и подавления человека. К примеру, античная классика возникла в «щели» между азиатским способом производства и массовым рабовладением Римского мира. Лифшиц пишет: «Ранние формы закрепощения, связанные с первым взрывом частной собственности в обществе, непосредственно вышедшем из родового быта, как на Востоке... уже разложились, а новая фатальная сила, растущая на почве более свободного движения законов товарного общества, ещё не успела произнести над классово-цивилизацией свой приговор» (Лифшиц 1988: 339–340). И добавляет: «Вся мировая классика родилась в подобных промежутках между уже, но ещё не...» (Лифшиц 1988: 340).

Я обещал вернуться к теме реализма. Специфика классического искусства, согласно Лифшицу, состоит в том, что оно — реалистично, то есть в художественной форме раскрывает истину. Истину философ понимал вслед за Гегелем как соответствие предмета его внутренней идее (в этом смысле мы говорим, например, об истинном друге). Так, Пушкин в «Евгении Онегине» рисует нам образ истинной русской женщины, и именно поэтому «Онегин» — реалистическое произведение, а не потому, что в нём изображены мелочи быта той эпохи. Как уже говорилось, Лифшиц понимал реализм очень широко: фантастические сказки Свифта и древнерусская иконопись, по нему, — образцы реализма, а, скажем, живопись современного американского гиперреализма — модернизм.

Художник-классик стремится отобразить нечто, что выше его самого, объективное, истинное бытие, а художник-модернист стремится выразить самого себя — в этом разница между ними. Нина Дмитриева слушала лекции М. А. Лифшица в ИФЛИ в конце 30-х и так записала его слова в своём конспекте: «Талант художника — особая глубокая чуткость к голосу объективной действительности. Через талантливые произведения совершается её самораскрытие. Несостоятельны попытки социологов рассматривать гениальных художников как продукт среды и считать их творения таким же документом времени, как произведения посредственных авторов»⁵.

В этом была суть лифшицианской критики социологизаторства в эстетике и модернистского искусства.

ВОПРОС ИЛИ БЛАГОДАРЯ? КОНЦЕПЦИЯ «ВЕЛИКИХ КОНСЕРВАТОРОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

В середине 1930-х годов Сталин и руководство ВКП (б) и советского государства берёт курс на частичную реабилитацию русской национальной культуры, на отказ от прежних левацких, нигилистических установок. Подвергается осуждению формализм в живописи и в литературе, ликвидируются различные творческие группировки (вроде РАППА, ЛЕФа, конструктивистов и т.д.) и создаются единые государственные союзы в каждой отрасли искусства (например, Союз писателей). Провозглашается, что методом советских деятелей искусства является социалистический реализм. Образцами объявляются произведения мировой и русской классики. В 1937 году на государственном уровне широко была отмечена 100-летняя годовщина смерти Пушкина, начато издание собрания сочинений Пушкина, классики вернулись в школьную программу. А в самой школе — от начальной до высшей — была проведена реформа, вернувшая её к прежним дореволюционным традициям.

Выходило, что само государство в лице высших руководителей поставило точку в споре «течения» Лифшица и социологизаторов, взяв сторону Лифшица и его соратников. Они могли бы торжествовать. Но вскоре обнаружилось нечто очень странное... Их старые оппоненты — критики,

⁵ Дмитриева Н. А. В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет. — 2009. — URL: <https://design.wikireading.ru/34> (дата обращения: 28.08.2022).

опиравшиеся на идеи социологизаторов (такие, например, как В. Ермилов или Е. Книпович), без малейших признаков внутренней работы, мучительной самокритики, стали писать... противоположное тому, что писали недавно. Теперь уже Пушкин и Толстой у них превратились из выразителей интересов эксплуататорских классов в «подлинно народных творцов»⁶. При этом имена Лифшица и других авторов «течения» даже не упоминались! Об этом писалось как о чём-то самоочевидном, известном всем и никогда не оспариваемом...

Причём, как заметил Лифшиц, переняв у «течения» его идеи, его бывшие враги сильно их примитизировали и исказили. Они стали изображать историю искусства как линейный прогресс, при котором писатели и художники, бывшие сторонниками гуманизма и демократии, стояли и в эстетическом отношении много выше тех, кто придерживался консервативных взглядов. Такой вывод они сделали из провозглашённого Лифшицем тезиса, имевшегося и у Маркса и восходящего к Гегелю, что красота и добро неразрывно связаны.

Лифшиц сразу же указал своим оппонентам на тот известный им факт (раньше они любили им козырять, дабы утвердить социологизаторство!), что практически все великие классики — от Платона и Аристофана до Гёте, Бальзака и Пушкина были консерваторами, монархистами, сторонниками религиозного мировоззрения, церкви, мистической и идеалистической философии. Лифшиц так их и назвал — «Великие консерваторы человечества». Вместе с тем очевидно, что эстетически Пушкин много выше, чем, скажем, крестьянский поэт Кольцов, а Гёте — чем революционно-демократический поэт Гервег. Первое охотно признавал Ленин, а второе — Маркс.

«Вульгарные марксисты» 1920-х годов, превратившиеся в 1930-е в «вульгарных демократов» (как называл их Лифшиц), по остроумному замечанию философа, попытались выйти из ситуации, превращая Пушкина в «маленького Некрасова». Они утверждали, что *вопреки* своему дворянскому происхождению и своим консервативным политическим взглядам Пушкин, впитав и некоторые демократические идеи, поднялся до народности в своей поэзии. Лифшиц тут же выступил с парадоксальным и даже опасным с точки зрения ситуации 1930-х ответом: «Не вопреки, а *благодаря!*» Именно благодаря тому, что Пушкин был дворянином

⁶ Это доходило до комизма, и в кругах литературоведов тогда шутили: «Ещё одного писателя изнародовали».

и консерватором, он смог подняться до подлинной народности в своей поэзии! Его аристократизм и его консерватизм помогли ему преодолеть примитивно-буржуазное понимание демократии и народности, в плену у которого оказались некоторые поэты круга декабристов, равно как и некоторые более поздние авторы — от поэтов «Современника» до пролеткультовцев.

Так разразился спор между «вопрекистами» и «благодаристами»⁷, который начался на страницах «Литературного критика», а после его закрытия продолжился в «Литературной газете». Была и устная дискуссия в ИФЛИ, в которой участвовали Лифшиц и Лукач, а с противоположной стороны — Книпович и Ермилов. Именно после неё и был закрыт «Литературный критик».

В этом споре Лифшиц сформулировал основные идеи своей парадигмы левого консерватизма, ибо речь там шла, по сути, о противопоставлении прогресса и регресса, о вульгарном прогрессизме и утончённом консерватизме.

Для лучшего понимания позиции Лифшица нужно обратиться к его программной статье «В чём же сущность спора?», которая была напечатана в ЛГ 15 февраля 1940 года. Лифшиц обрушивается там на своих оппонентов, которые «значение передовых идей в художественном творчестве... усвоили так же вульгарно, как прежде теорию классового анализа» (Лифшиц 2012: 458). Согласно философу, вполне можно, оставаясь марксистом, признавать ценность и правоту некоторых консервативных воззрений и произведений, и Маркс это неоднократно демонстрировал, например, тепло отзываясь о романтике Уильяме Коббете, который идеализировал Средневековье.

Причина в том, что Маркс, в отличие от тех, кто прикрывается его именем, понимал, что буржуазный прогресс не является абсолютным: «Исторические понятия прогрессивного и консервативного относительно с точки зрения марксизма» (Лифшиц 2012: 459). Буржуазный прогресс несёт в себе и тёмные, грязные, даже ужасные вещи вроде обезземеливания крестьян или обезличивания человека в обществе потребления. Капитализм в определённых своих аспектах хуже и ниже, чем предшествовавшее ему феодальное общество, которое при всех своих пороках

⁷ См. воспоминания об этой дискуссии: Лунгина Л. Подстрочник: Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана// Литературная дискуссия между «вопрекистами» и «благодаристами». — 1941. — URL: <http://www.famhist.ru/famhist/lungina/00059132.htm#0002c337.htm> (дата обращения: 25.08.2022).

сохраняло много естественного, наивно-идиллического, что и восхищает романтиков, идеализирующих Средневековье. Конечно, они приукрашивают положительные стороны старого общества, тоже имевшего свои «язвы», но в их словах есть и доля исторической истины. «Отсюда открывалась возможность для консервативной или даже реакционной критики прогресса, в которой содержалось много ценных и даже социалистических элементов...» (Лифшиц 2012: 459).

Напомню, что о социализме как «отрицании отрицания» феодализма писал в 1920-е годы Лосев, и если учесть, что в 1930-е Лосев и Лифшиц сблизились и вели долгие беседы, то вполне возможно, что диалектик-коммунист позаимствовал эту идею у диалектика-«черносотенца». Впрочем, слово «позаимствовал» здесь мало подходит. Ведь, во-первых, она настолько вытекала из его взглядов, что Лифшиц до неё и так бы дорос, а во-вторых, у Лифшица она оказывалась в ином контексте, поскольку для Лосева мировая история — вырождение и социализм много ниже феодализма.

Как бы то ни было, далеко не всякий прогресс готов был одобрить сторонник прогресса Михаил Лифшиц, и были и консервативные и даже реакционные идеи и ценности, которые он поддерживал. «Реакционная критика буржуазной цивилизации может иметь глубокое содержание» (Лифшиц 2012: 461), — пишет Лифшиц и добавляет, конкретизируя: «Дворянская культура, являясь чем-то консервативным по сравнению с буржуазной демократией, имеет свои преимущества» (Лифшиц 2012: 461).

В этом состояло кредо его левого консерватизма. Проиллюстрировать это можно обращением к Пушкину, как это делал сам М. А. Лифшиц.

Сотрудница Третьяковской галереи Татьяна Коваленская в своих воспоминаниях описывает, как она стала «лифшицианкой» после прослушивания доклада Михаила Александровича о народности искусства в конце 1930-х годов. Коваленская рассказывает, что, доказывая свой тезис о том, что «Пушкин народен не только и не столько вопреки своему дворянству, сколько благодаря», Лифшиц привёл в качестве примера «онегинскую» Татьяну: «Сказав, что в отказе Татьяны следовать за Онегиным сказались, безусловно, дворянские представления о чести, Михаил Александрович замечательно раскрыл в нём выражение гораздо более широкого, на все времена утверждения подлинного, истинного достоинства женщины» (Лифшиц 2009: 590).

Это действительно замечательный пример! Давайте представим себе, как бы повела себя Татьяна, если бы она была не дворянкой, а буржуазкой. Она бы, конечно, отдалась страсти, невзирая на узы брака, и не потому что она была низкой натурой — совсем наоборот, а потому что буржуазное мировоззрение предполагает, что человек должен стремиться полностью реализовать себя, полностью раскрыть свои возможности, способности. Идеал буржуазного мировоззрения — человек-предприниматель (не в экономическом, а в широком смысле), активная и творческая натура, которая не может и не должна подчиняться условностям, которая преодолевает внешние препятствия, чтобы утвердить свою личность и её желания.

Мировоззрение аристократическое, напротив, видит в человеке лишь часть рода, и, согласно ему, человек не имеет права на реализацию всех своих желаний и возможностей, ведь последствия падут на весь род. Этим аристократическое понимание человека, похоже, и предвосхищает понимание социалистическое, где человек тоже — часть коллектива, но не родового, а трудового. И в этом смысле «Великие консерваторы человечества» и созданные ими шедевры, по Лифшицу, предвосхищают социализм и социалистическую культуру.

ЛИФШИЦИАНСКИЙ ЛЕВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ РЕЛИГИОЗНЫЙ И РЕАКЦИОННЫЙ

Итак, предлагаю свести воедино, к нескольким основным тезисам лифшицианское понимание консерватизма (марксистский левый консерватизм) и сравнить его с традиционным религиозным и реакционным консерватизмом. Начнём с того, что Лифшиц, безусловно, как марксист является прогрессистом. История, по его мнению, развивается по восходящей. Растут производительные силы человечества, и каждая новая формация приближает людей к торжеству принципа социальной справедливости — к социализму и коммунизму. Казалось бы, здесь не остаётся и лазейки для консерватизма как для стремления сохранить старые формы культуры, и здесь Лифшиц полностью противостоит обычному консерватизму, который видит в истории регресс и считает, что лучшие эпохи человечества уже позади.

Однако марксизм — диалектическая философия, а Лифшиц, учивший диалектику по Гегелю (в отличие от героев стихов Маяковского), лучше многих понимал эту сторону марксистского учения. Диалектика же говорит нам, что прогресса без регресса не бывает и прогресс в одной области ведёт к упадку, регрессу в другой. Это было ясно и Марксу, который указывал, что развитие науки и техники делает уже невозможным такое искреннее и наивное любование явлениями природы, которое мы находим в греческом эпосе (ведь для грека молния — это стрела Зевса, а не атмосферное электричество!). Значит, буржуазное искусство всё равно будет прозаичнее, суше, рационалистичнее и в итоге — ниже греческой классики.

Лифшиц выводит из этой мысли Маркса концепцию эстетической неполноценности капитализма. Он показывает в своей книге «Карл Маркс. Искусство и общественный идеал», что общество, где все новейшие достижения науки обращены на то, чтоб превратить человека в безличного стандартизированного обывателя, вполне логично приходит к торжеству «эстетики безобразного». Отсюда — вывод Лифшица о «революции как силе хранительной». Социалистическая революция, которая неизбежно свергнет капитализм, есть, по Лифшицу, победа Справедливости, Добра в его социальной ипостаси. Но Добро неотделимо от Истины и Красоты, а образец истинной красоты — это шедевры, созданные «Великими консерваторами» в докапиталистическом мире, а точнее, в его «щелях», где был слабее гнёт человека над человеком и можно было хоть на время распрямиться, разогнуться духовно. Поэтому революция должна сохранять и популяризировать классическое искусство, «вернуть» общество к классической эстетике и на её основе развивать социалистическое искусство. То же касается и философии, где Лифшиц нещадно критикует современные буржуазные теории и предлагает советским марксистам сделать «ещё один заём» у «Великого консерватора» Платона.

Философская подоплёка левого консерватизма Лифшица — тема, заслуживающая большого, отдельного исследования. Очевидно, например, что сюда необходимо отнести его теорию идеального, которую он сформулировал частично в дневниках, частично — в заочной полемике с теорией идеального Э. В. Ильенкова. Понятно, что если целью человечества и культуры является триединство Истины, Добра и Красоты, то невозможно обойтись без учения об идеальном, так как искомое триединство — идеально, и понятно, что эти идеи не могут быть просто порождениями

человеческой деятельности. Если есть абсолютная истина, есть абсолютное бытие, а абсолютное — значит бесконечное и вечное. Говорят, что однажды недоброжелатель Лосева публично, на работе громко спросил старого профессора: «Алексей Фёдорович, а вы в Бога до сих пор верите?» Это была, конечно, провокация, ведь при любом ответе философ бы пострадал: либо вынужден был бы отречься от веры, либо вызвать на себя снова «гнев органов». Лосев улыбнулся и так ответил провокатору, что тот в ужасе бежал: «А вы что, с Лениным не согласны, что существует Абсолютная Истина?» Это анекдот, но он хорошо характеризует логику, которую развивал Лифшиц: если есть абсолютная истина, должно быть абсолютное бытие.

Кроме того, нельзя забывать о том, что ещё в самой ранней своей работе, в докладе «Диалектика в истории искусства», Лифшиц выказывает глубокое понимание диалектики прогресса. Для этого он обращается к классической диалектике движения и покоя, образец которой имеется, например, у Гегеля. Движение предполагает свой субъект, то, что движется, но этот субъект должен на всём протяжении движения оставаться тем же самым, то есть неизменным, неподвижным. Так неразрывно связаны между собой движение и покой. Поэтому и в основе истории искусства лежат классические ценности, отражающие абсолютную, идеальную Красоту, раскрытие которой и составляет содержание истории искусства. Естественно, то же касается и социально-политической истории человечества, где описанное явление преломляется как диалектика прогресса и регресса.

Поэтому, по Лифшицу, нужно уметь различать разные виды прогресса и разные виды реакции⁸. Скажем, американское общество, где всё рационализировано и сведено к количеству и прибыли, включая досуг, искусство, песню, театр, конечно, прогрессивно. Но для настоящего марксиста, который не может не быть гуманистом, такой прогресс хуже многих реакционных обществ прошлого, где человеку оставалась возможность творчески и духовно раскрыться, пусть в формах досуга, в народном празднике, в карнавале, в фольклорном искусстве.

Возьмём другой пример. В своих лекциях о русской культуре Лифшиц прекрасно показывает отсутствие национализма и ксенофобии у русского

⁸ На самом деле Лифшиц предлагает ещё и разделение между консерватизмами: первичным, ведущим к простому возвращению к пройденному, к «порочному кругу», и вторичным, который предполагает возвращение, обогащённое смыслами, прорыв за пределы «порочного круга». См.: (Камнев 2009), (Арсланов 2007).

народа в период господства самых деспотических правителей русской истории. Причём, по Лифшицу, именно деспотический гнёт, согласно диалектике жизни, и объединял в «братстве по несчастью» русских и нерусских простолюдинов и не позволял развиваться национализму, который на Западе стал результатом утверждения капитализма и буржуазных свобод. Отсутствие политического национализма, из-за которого было пролито столько крови в Новое и новейшее время, это тоже одна из положительных сторон докапиталистического общества, которая в обществе социализма, в качестве отрицания отрицания, должна выразиться в виде господства интернационализма. И в этом смысле, не питая любви к самодержавию и феодализму, строители социализма, по Лифшицу, тоже могут и должны оглядываться назад, на донациональный мир, строя мир постнациональный.

Таков левый консерватизм М. А. Лифшица, диалектически понимающий прогресс, видящий в идеале консерваторов — докапиталистическом обществе — тоже нечто позитивное и даже призывающий в определённом смысле вернуться к некоторым ценностям того общества, конечно, не теряя из виду социалистический идеал. Конечно, такой марксизм не может вызывать у религиозного, «обыкновенного» консерватора однозначное отторжение. С таким марксизмом возможен творческий, продуктивный диалог. У такого марксизма можно даже кое-чему поучиться.

Это не значит, что «обыкновенный» консерватор может просто брать тезисы Лифшица и использовать их. Напротив, их следует переосмыслить и углубить. Например, концепции классических эпох истории человечества явно не хватает религиозной составляющей (о которой Лифшиц не задумывался, ибо был атеистом). А ведь если вдуматься, то эпохам классики или предшествовал, или прямо сопутствовал и своеобразный религиозный подъём. Так, истоки живописи Возрождения можно и нужно искать в поздневизантийской иконописи, а философии — в интеллектуальных дебатах последних веков империи ромеев (как известно, учителем Петрарки был Варлам Калабриец — грек и оппонент св. Григория Паламы). Православная подоплёка южноевропейского Возрождения — вообще отдельная тема, отчасти освещённая в научной литературе, но не ставшая достоянием широкой общественности (Левко-Линардато 2015: 5–18). Также специалистам известно, что немецкой классической философии предшествовал расцвет позднесредневековой немецкой мистической мысли и, например, Шеллинг признавал влияние

на свою философию учения Якоба Беме о свободе. Если же обратиться к античной классике, то сразу возникает тема связи философии Платона и орфически-пифагорейской мистической традиции.

Консерваторы привыкли отвергать всё советское и левое, но ещё В. С. Соловьёв писал, что Абсолютная Истина существует, а вот абсолютной лжи нет, и поэтому в каждом заблуждении кроется, пусть и искажённая, доля истины. Это касается советского опыта и тем более левого консерватизма Лифшица. Наша задача — эту долю истины найти и извлечь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Арсланов В. Г. Постмодернизм и русский «Третий Путь»: Tertium Datur российской культуры XX века. — М. : Культурная революция, 2007. — 656 с.

Арсланов В. Г. Революция как сила хранительная // Независимая газета. — 1997. — 4 ноября.

Арсланов В. Г., Лагурев А. С. Михаил Лифшиц. — СПб. : Умозрение, 2021. — 254 с.

Ботвин А. П. «Анабазис»: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа // Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 405–421.

Камнев В. М. «Марксистский консерватизм» М. А. Лифшица // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. — 2009. — № 3 (69). — С. 148–156.

Камнев В. М., Камнева Л. С. Феномен советского консерватизма: историософское обоснование // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. — 2019. — Т. 35, №1. — С. 43–55.

Левко-Линардато П. С. Влияние византийских гуманистов на культуру итальянского Возрождения // Ценности и смыслы. Научный журнал. — 2015. — №1 (35). — С. 5–18.

Лифшиц М. А. *Varia*. М. : «Гюндрисе», 2010. — 172 с.

Лифшиц М. А. Из автобиографии идей. Беседы М. А. Лифшица // Контекст: литературно-теоретические исследования. — 1988. — Т. 1987. — С. 265–319.

Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. Беседы. Статьи. Выступления. — М. : Искусство – XXI век, 2012. — 574 с.

Лифшиц М. А. Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Художественная критика. — М. : Искусство – XXI век, 2009. — 616 с.

Лифшиц М. А. Собр. соч. в 3 т. — М : Изобразительное искусство, 1988. — Т. 3. — 560 с.

Померанц Г. С. «Записки гадкого утёнка». — М.-СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. — 464 с.

Сведения об авторе:

Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Уфимского университета наук и технологий, 450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 14.12.2022.

Left Conservatism of the Marxist M. A. Lifshitz. (Essays on the Conservative Thought in the USSR)

R. R. Vakhitov

UFA UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY,
UFA, RUSSIA

Abstract. The paper reviews the philosophy and aesthetics of an outstanding Soviet thinker, the founder of the concept of left Marxist conservatism Mikhail Aleksandrovich Lifshitz (1905–1983). It describes Lifshitz’s life and work, paying attention to his “respectful friendship” with the Orthodox conservative philosopher A. F. Losev, member of the Onomatodoxy (Imiaslavie) movement. Discussions of the 1930s between Lifshitz and his movement (Lukács, Grib, Usievich, Platonov), on the one side, and Marxist “sociologizers” and “vulgar democrats”, on the other side, are described. During these discussions, Lifshitz and his associates criticized the complete reduction of art, philosophy, and morality to economic facts (the notorious Marxist base), defending the autonomy of spiritual and cultural creativity. They criticized “revolutionary, left-wing avant-garde art” and rehabilitated representatives of classical art of the past, “Great conservatives of humanity”, i.e. Plato, Aristophanes, Goethe, Pushkin, Tolstoy, and classical realistic art itself. According to Lifshitz, the latter also included old Russian art, i.e. icons.

The paper shows the conservative potential of Lifshitz’s teaching on the dialectic of progress and regress that justifies the conservative criticism of capitalism by the great realist artists of the past. It also describes Lifshitz’s criticism of the relativistic trend in Marxism and

his attempt to reveal and develop the link between Marxism and classical dialectical philosophy from Plato to Hegel. The author shows that, defending the unity of the Truth, Beauty and Goodness, Lifshitz approached some kind of non-religious (possibly crypto-religious) philosophy of all-encompassing unity or unitotality. Finally, the paper offers a look at Lifshitz's left conservatism from the standpoint of ordinary (classical) religious conservatism, stating that his understanding of classical epochs lacked the religious component that has always been present in these epochs.

Keywords: M. A. Lifshitz, left-wing conservatism, Marxism, aesthetics, classics, realism

For citation: Vakhitov, R. R. (2022). Left Conservatism of the Marxist M. A. Lifshitz. (Essays on the Conservative Thought in the USSR). *Orthodoxia*, (4), 101–128. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-101-128

REFERENCES:

Arslanov, V. G. (1997). *Revoliutsiia kak sila khranitel'naia* [Revolution as a Protective Force]. *Nezavisimaia gazeta*, 4th of November. [In Russian].

Arslanov, V. G. (2007). *Postmodernizm i russkii "Tretii Put": Tertium Datur rossiiskoi kul'tury XX veka* [Postmodernism and the Russian "Third Way": Tertium Datur of Russian Culture of the XX Century]. Moscow: Kul'turnaia revoliutsiia. [In Russian].

Arslanov, V. G., Lagurev A. S. (2021). *Mikhail Lifshitz*. Saint Petersburg: Umozrenie. [In Russian].

Botvin, A. P. (2010). "Anabazis": voina v dokumentakh, vospominaniakh i suzheniakh filosafova ["Anabasis": War in Documents, Memories and Judgments of a Philosopher]. In V. G. Arslanov (Ed.), *Mikhail Aleksandrovich Lifshitz* (pp. 405–421). Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Kamnev, V. M. (2009). "Marksistsky konservatizm" M. A. Lifshitsa ["Marxist conservatism" of M. A. Lifshitz]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 3: Obshchestvennye nauki*, 69(3), 148–156. [In Russian].

Kamnev, V. M., Kamneva, L. S. (2019). Fenomen sovetskogo konservatizma: istoriosofskoe obosnovanie [The Phenomenon of Soviet Conservatism: Historiosophical Justification]. *Vestnik SpbGU. Filosofiia i konfliktologii*, 35(1), 43–55. [In Russian].

Levko-Linardato, P. S. (2015). Vliianie vizantiiskikh gumanistov na kul'turu ital'ianskogo Vozrozhdeniia [The Influence of Byzantine Humanists on the Culture of the Italian Renaissance]. *Tsenosti i smysly. Nauchnyi zhurnal*, 35(1), 5–18. [In Russian].

Lifshitz, M. A. (1988). *Complete works in 3 volumes* (Vol. 3). Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo. [In Russian].

Lifshitz, M. A. (1988). Iz avtobiografii idei. Besedy M. A. Lifshitsa [From the Autobiography of Ideas. Conversations of M. A. Lifshitz]. *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniia*, 1987, 265–319. [In Russian].

Lifshitz, M. A. (2009). *Pochemu ia ne modernist? Filosofii. Estetika. Khudozhestvennaia kritika* [Why am I not a Modernist? Philosophy. Aesthetics. Artistic criticism]. Moscow: Iskusstvo — XXI vek. [In Russian].

Lifshitz, M. A. (2010). *Varia*. Moscow: “Giundrise”. [In Russian].

Lifshitz, M. A. (2012). *Nadoelo. V zashchitu obyknovennogo marksizma. Besedy. Stat'i. Vystupleniia* [Tired of. In Defense of Ordinary Marxism. Conversations. Articles. Performances]. Moscow: Iskusstvo — XXI vek. [In Russian].

Pomerants, G. S. (2013). “*Zapiski gadkogo utenka*” [“Notes of the Ugly Duckling”]. Moscow — Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. [In Russian].

About the author:

Rustem Rinatovich Vakhitov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi street, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 14.12.2022.